

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.42

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОЖНЫХ РЕЧЕВЫХ СОБЫТИЙ НА ТЕКСТОВОМ МАТЕРИАЛЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

О.Н. Дубровская

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: odubrovskaya@yandex.ru.

Сложные речевые события являются особой формой коммуникативного взаимодействия, имеют сложную структуру и фиксируются в языке в виде имен. Интерпретация текстов воспоминаний и рассказов о жизни, так же как и текстов СМИ, повествующих о событиях, должна учитывать когнитивные аспекты представлений события в тексте – особенности референтного и текстового событий, а также существование прототипического события. Анализ сложных речевых событий на материале текстов-воспоминаний позволяет определить социокультурные факторы, формирующие тот или иной событийный концепт.

Theoretical Issues of Studying Complex Speech Events in Texts: Cognitive Perspective

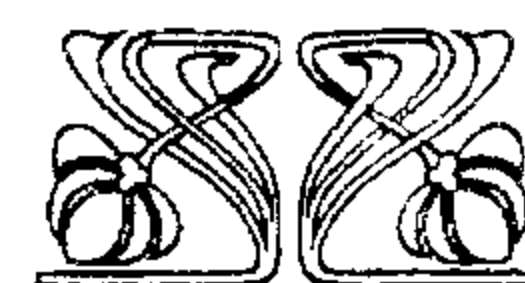
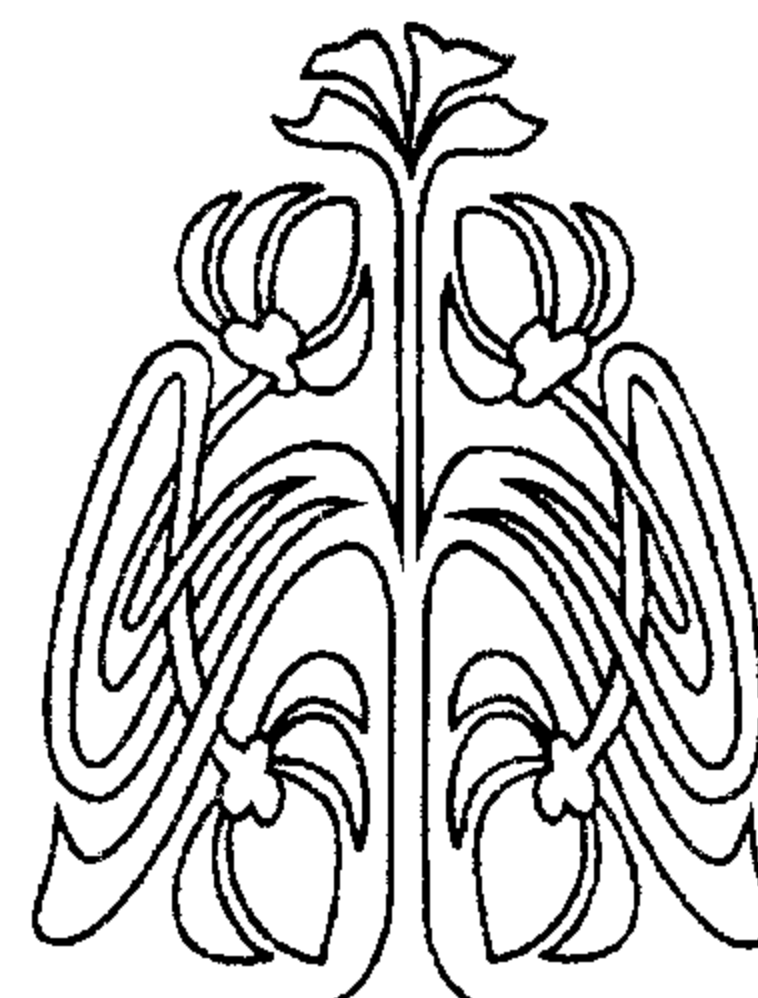
O.N. Dubrovskaya

Complex speech events are regarded as a specific form of interaction, characterized by a complex structure with a number of components. Interpretation of events in narratives of different types is possible if notions of referential event, textual event and prototypical event are distinguished in cognitive perspective. Study of complex speech events in texts reveals social and cultural factors framing the concept behind the name of the event.

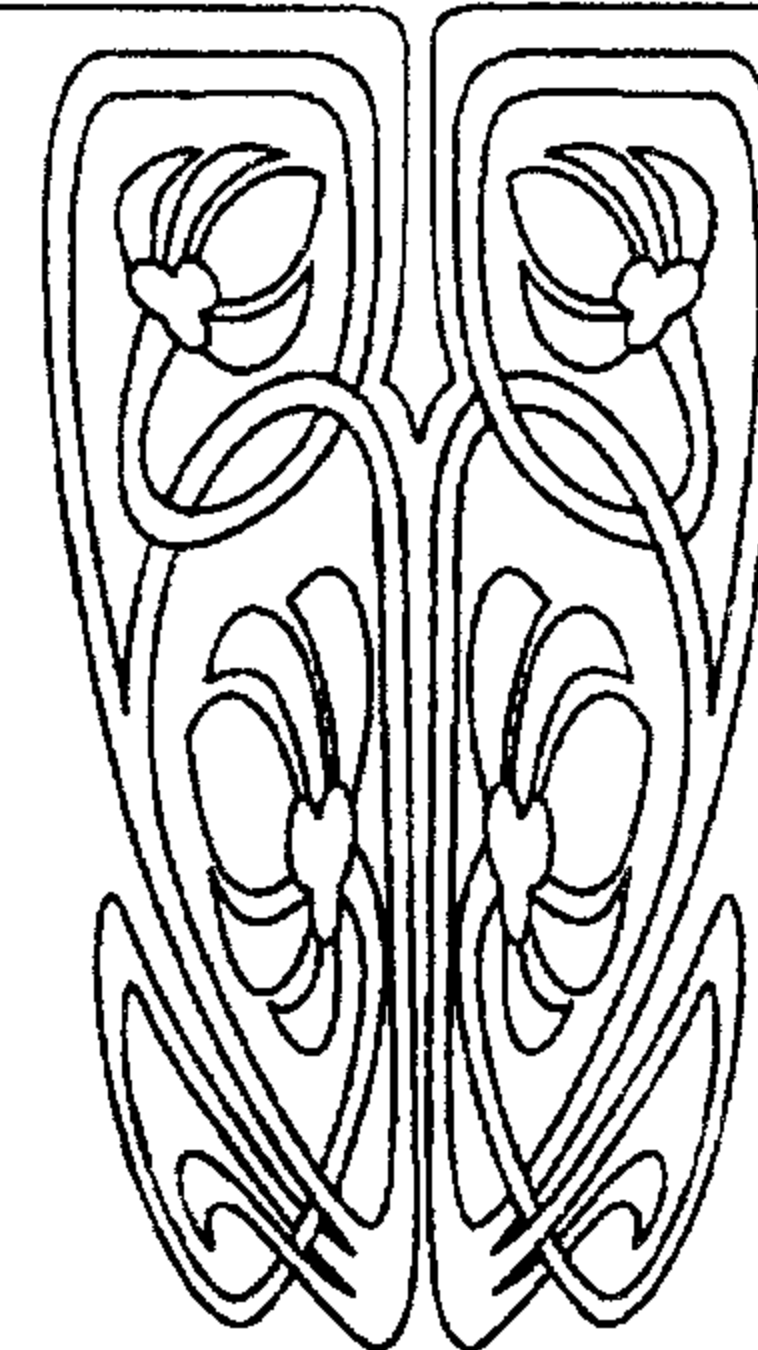
Само понятие «событие» неоднозначно и допускает различные интерпретации и подходы к изучению в гуманитарных науках¹, однако в данной статье мы придерживаемся традиционного подхода к пониманию «события» в лингвофилософии², что не противоречит обыденному представлению о событии и позволяет трактовать его как объект лингвистического и – уже – социолингвистического описания.

Из всего многообразия событий³ особый интерес для нас представляют события коммуникативного характера. Именно они позволяют определить степень взаимодействия общества и человека.

Вслед за В.Е. Гольдиным⁴, мы предлагаем называть коммуникативные события, в которых речевая составляющая является структурно-образующей, речевыми событиями, и выделяем простые и сложные речевые события. Простые речевые события в нашей классификации «не маркированы как явления общественного характера ... не относятся к событиям планируемым, специально организуемым, назначаемым на определенное время, о них не говорят, что они *состоятся* или *состоялись*»⁵. К числу простых речевых событий можно отнести *ссору, разговор, дружескую беседу* и др. Следовательно, сложные речевые события – речевые события общественного характера, планируемые, назначаемые, контролируемые. «О них нельзя сказать, что они “случи-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

лись” или “произошли”, но можно сказать, что они “состоялись” или “состоятся” тогда-то и там-то»⁶. К ним относятся *собрание, совещание, урок, коронация, инаугурация, заседание* др. Имена событий фиксируются в словаре языка в виде имен. В разных лингвокультурах возможен свой список (корпус) имен сложных речевых событий, но в случае совпадения форм коммуникативного взаимодействия в этих культурах набор событий будет сходным⁷.

В лингвистику термин «речевое событие» (*speech event*) ввел Д. Хаймс, основоположник этнографии коммуникации⁸. Д. Хаймс также разделял события на простые и сложные, но граница между ними оказалась неясной, поскольку требовалось объяснение соотношения таких понятий, как «речевой акт», «событие» и «ситуация». Мы рассматриваем сложное речевое событие как самостоятельную единицу структуры коммуникации, занимающую определенную нишу и характеризующуюся рядом параметров. Речевое общение строится именно в рамках события, ситуация представляется более абстрактным понятием, охватывающим события разного рода. Речевая составляющая событий представлена в разных речевых жанрах, реализующихся в виде речевых актов⁹.

Правомерность использования фактов языка и речи как основы для определения сущности коммуникативных событий представляется очевидной, поскольку последние большей частью основаны на речевом взаимодействии, а язык является формой отражения или фиксации картины мира, объективируя когнитивные аспекты мировосприятия¹⁰.

В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин определяют следующие типологические особенности лингвокультурного концепта: «комплексность бытования в языке, сознании и культуре, ментальная природа, ограниченность сознанием носителя, ценностность, условность и нечеткость, когнитивно-обобщающая направленность, полиапеллируемость, изменчивость, трехуровневое лингвистическое воплощение, включающее уровни системного потенциала, субъектного потенциала и текстовой реализации, методологическая направленность и поликлассифицируемость»¹¹.

Многокомпонентность структуры сложных речевых событий позволяет определить их как особый класс событийных концептов. Представления о таких событиях закреплены в сознании и приобретаются из культурного опыта. На примере событий этого типа четко вырисовывается трехуровневая реализация концепта в языке. На системном уровне выделяются имена сложных речевых событий, а также их структурных компонентов, образующих событийный фрейм, которые фиксируются в словаре языка в виде имен. Сюда же мы относим разнообразные лексикограмматические средства описания событий, которые существуют в языке. На уровне субъектном с ледует говорить об индивидуальном опыте и индивидуальных аспектах структуры, функций или оценки того или иного события. Текстовая реализация события представляет собой, с нашей точки зрения, совокупность первого и второго – используя доступные для описания событий языковые средства, языковая личность строит текст, в котором событие может описываться подробно или упоминаться вскользь, при этом используются либо имя события, либо его акциональные характеристики.

В результате происходит наложение трех событийных текстов – модели-события, которое есть в сознании человека, лексем для обозначения этого события, которые фиксируются в лексиконе, и собственно текста как объекта лингвистического описания, в котором событие предстает в виде так называемого «текстового события».

Социокультурное изучение сложных речевых событий определенного исторического периода требует обращения к рассказам о жизни и записям воспоминаний. В качестве источника материала о структуре коммуникации в советскую эпоху, и в частности, послереволюционную, могут служить тексты «Народных мемуаров», изданных в Омске Б.И. Осиповым. Воспоминания имеют большую социолингвистическую ценность – в этой серии представлены рассказы о жизни и сельского учителя, и работницы, и районного служащего, и др.¹² Данные тексты являются интересным источником изучения сложных речевых событий, поскольку в тек-

стах содержатся как обозначения событий, так и описание их структуры, а также значения этих событий как для их участников, так и в контексте социально-исторической эпохи. Безусловно, получение такой информации возможно только при соответствующей интерпретации данных текстов.

С точки зрения когнитивной интерпретации, событие предстает в тексте в нескольких ипостасях. В терминах В.Я. Шабеса – это когнитивный конструкт. В терминах В.З. Демьянкова – это и идея, и ее текстовая реализация – вербализация концепта. Используемые в психолингвистическом эксперименте наблюдения В.Я. Шабеса относительно свойств событий и интерпретации события субъектом приложимы к рассказам о жизни, воспоминаниям и публицистическим текстам, повествующим о событиях. Стремясь последовательно изложить материал (история жизни в наивном сознании является линейной), рассказчик старается найти опору в ориентирах – пространственных и темпоральных. Тем самым создается фон, на котором локализуются события или дается оценка некоторых событий. Такое повествование и есть процесс, во время которого эксплицируется «фоновое знание субъекта относительно некоторого сообщения»¹³. Поскольку информация о событиях передается средствами естественного языка, можно ожидать, что и в текстах-воспоминаниях эта информация «является более конкретной, чем прототипические обобщенные когнитивные единицы (события, концепты), но более обобщенной, чем уникальные конкретные сцены и образы»¹⁴.

«Событие разворачивается во времени и в этом смысле является линейным (одномерным). Оно репрезентировано в виде упорядоченного триединства Пресобытия – Эндособытия – Постсобытия». Такое триединство В.Я. Шабес называет когнитивно-семантической универсалией, имеющей вид обобщенного ментального гештальта. Репрезентация событий совмещает в себе качества единиц семантической и эпизодической памяти. По степени обобщенности данная репрезентация принадлежит к уровню понятий. Одновременно она обладает сущностными признаками эпизодов, поскольку фиксирует комп-

лексное изменение, разворачивающееся в пространстве и времени¹⁵. Подобный подход вскрывает наиболее абстрактную сущность события в повествовании.

Таким образом, текст, повествующий о событиях или включающий имена событий (в частности, сложных речевых событий), будет совмещать компоненты концепта как минимум из трех источников, и роль интерпретатора текста (слушателя, читателя, исследователя) также велика, поскольку требует привлечения личного опыта.

Структурированность различных событийных концептов коммуникативной сферы определяется при анализе речевого употребления событийных имен. Одного упоминания имени *свадьба* в тексте обычно достаточно, для того чтобы понять, как изменилась жизнь человека или его социальный статус в связи с этим событием. Ср. также такие события, как *выборы*, *конференция* и др.

Однако большое значение для понимания структуры сложных речевых событий имеют социокультурные признаки, определяющие место человека в социуме. Концепт *свадьба* для представителей разных культур, живущих на территории России (и национальных, и социальных – сельской, городской, и региональных), будет различным при общности, по крайней мере, двух компонентов – единой языковой формы (если речь идет о русском языке как средстве вербализации концепта) и единой функции события. Все остальные составляющие событийного текста (ср. с ритуальным текстом Н.И. Толстого) будут различаться – акциональный, предметно-символьный план и др.

Необходимо изучение когнитивной стороны сложных речевых событий, поскольку концепты формируют языковую картину мира, общую концептосферу, составляют часть культуры, а природа сложного речевого события определила ряд социолингвистических параметров, которые обуславливают значимость таких событий для культуры, коммуникации и социальной жизни общества. Все свойства этих событий связаны с деятельностью человека в конкретный исторический период и в определенной социокоммуникативной сфере.

Если в словаре языка в толкованиях есть известная модель события, включающая минимальный набор его характеристик, достаточный для распознавания концепта в его вербальной репрезентации, то исследование текстовой репрезентации сложных речевых событий приводит к необходимости учета особенностей «ментального лексикона». «Слова нет, пока словоформа не увязана со значением. Слово как единство формы и значения оказывается средством доступа к концепту, функционирующему в составе некоторого “поля”, которое входит в сложные взаимоотношения с другими полями целостного образа мира индивида»¹⁶.

Исследуя проблему событийности в языке средств массовой информации, В.З. Демьянков выделяет несколько функций СМИ: изложение событий (не всегда имевших место, но подаваемых как реальные); навязывание (напр., внушение) адресатам определенных оценок этих событий и установок (в частности, ожиданий дальнейшего хода событий); создание информационного события вокруг самой деятельности средств массовой информации: журналисты и комментаторы берут на себя роль реального (политического) деятеля, а не просто «представляют» зрителям ход событий.

С этой точки зрения тексты воспоминаний также допускают подобную интерпретацию, поскольку выбор описываемых событий довольно произволен (если исключить специально направленные вопросы, но и они тоже субъективны), а значение события в контексте ситуации также интерпретируется самим рассказчиком, и данная оценка «навязывается» (пусть не всегда сознательно) слушателю, читателю или собеседнику, который в этих событиях не принимал участия или о них не знал. Следовательно, субъективное представление событий и их оценка в текстах СМИ и субъективное представление событий в «рассказах о жизни» можно считать идентичными по предложенным выше параметрам. Соответственно основные положения концепции В.З. Демьянкова о соотношении события и текста справедливы в отношении текстов разных типов, в частности записей устных рассказов, текстов СМИ, воспоминаний, мемуаров.

В.З. Демьянков различает три разновидности понятия «событие»:

- события-идеи; о них говорят как о реальных или вымышленных, сосуществующих в пространстве и времени, пересекающихся, полностью или частично накладывающихся друг на друга, противоречащих друг другу и т.п.;

- референтные события – прообразы событий-идей, которые, в свою очередь, дают его интерпретацию; когда говорят, что два события происходят одновременно в одном и том же месте, имеем два разных события-идеи, но одно референтное событие, рассматриваемое с разных точек;

- текстовые события – то, что подается логически или хронологически упорядоченно (в хронологически прямом или обратном порядке) или без какого-либо видимого порядка, что навязывает очень разные интерпретации референтным событиям и событиям-идеям¹⁷.

Первые два типа событий непосредственно соотносятся с интерпретацией события как когнитивного образования, ментального гештальта. Третий из событийных типов – реализация данного ментального образования в конкретном тексте (или текстах). В нашем исследовании мы имеем дело с анализом текстового события, в то время как используемые в тексте событийные имена приложимы и к прототипическим событиям.

В.З. Демьянков¹⁸ выделил «координаты интерпретации событий в тексте»: а) подтвержденность (или неподтвержденность) ожиданий относительно дальнейшего изложения; б) место события среди эпизодов дискурса; в) пространственно-временная и/или этическая локализация («точка зрения» и фокус эмпатии) автора текста. Второй и третий параметры представляются релевантными для анализа текстов воспоминаний.

Соглашаясь с выводом В.З. Демьянкова о комплексной сущности события в тексте, заметим, что не все из перечисленных событийных признаков одинаково значимы для нашего исследования. Мы ограничиваемся анализом коммуникативных, в частности, сложных речевых событий, а также номинаций, которые в определенном контексте могут быть рассмотрены как гиперсложные

коммуникативные события (например, праздники). С этой точки зрения признак спонтанности нерелевантен, поскольку в интерпретации сложных речевых событий мы исходим из их подготовленности, назначаемости. Спонтанность таких событий (например, *стихийный митинг протеста*) – возможное явление, но прототипическая модель – структура такого события должна быть известна его участникам. Следовательно, «спонтанность» такого события будет довольно условной, хотя в языковом выражении этот признак и будет представлен.

Не вполне оправдано выделение В.З. Демьянковым трихотомии моментальность vs. длительность vs. повторительность. Все три свойства связаны со временем, но «повторительность» скорее должна быть отражена в дихотомии уникальность vs. повторяемость события. Можно возразить, что имя уникального события или описание его структуры лишают событие его «уникальности», однако только события повторяющиеся (или способные к неоднократному воспроизведению) составляют основу коммуникации социума. Именно такие события допускают анализ в культурно-историческом контексте.

Смена культурно-исторических реалий неизменно приводит к смене форм коммуникативного взаимодействия в обществе. Поэтому тексты воспоминаний о прошлом позволяют выделить как собственно событийные имена – часть языковой системы, так и наполняемость концептуальных полей, в том числе и за счет сложных речевых событий.

Рассмотрим некоторые примеры.

Сельский учитель А.У. Астафьев описывает в документальной автобиографической повести *комсомольское собрание* в деревне в 1928 г.: «...Бахарев и Шурупов собрали в клубе всех комсомольцев, сюда же пригласили взрослых деревенских активистов – в общей сложности человек 50. На повестке дня стоял только один вопрос: исключение из комсомола Астафьева А. ... С обличительной речью выступил В.К. Бахарев... Председательствующий Александр Попов спросил:

– Кто еще выступать будет?

Молчание длилось несколько минут. Чтобы сдвинуть вопрос с места, вторично выступил Бахарев:

– Если на этом собрании мы не исключим “красного кулацкого сына” из комсомола, мы найдем другой способ, чтобы обезвредить комсомольскую организацию от опасного влияния»¹⁹.

Этот небольшой фрагмент демонстрирует и реалии нового общественного устройства, и их типичность (это лишь одна из деревень), традиционность структуры комсомольского собрания, которая, как известно, сохранилась на многие десятилетия, и степень взаимодействия общества и судьбы конкретного человека, и роль в этом взаимодействии сложных речевых событий. Текстовое событие приобретает индивидуальные черты: «Неуверенность в исходе *собрания* у его организаторов оправдалась. Савельевна завладела вниманием собравшихся и превратила *собрание* в сплошной хохот»²⁰.

Текст воспоминаний А.У. Астафьева содержит многочисленные примеры сложных речевых событий, которые утратили свою коммуникативную значимость и воспринимаются только в историческом контексте: «Вскоре после ремонта клуба комсомольцы проводили *вечер, посвященный подписке на газеты и журналы на второе полугодие 1929 г.*»²¹. Это свидетельство изменения содержания событийного концепта.

Серия «Народные мемуары», издаваемая Б.И. Осиповым, являясь источником социокультурной информации, может изучаться и в когнитивном аспекте. Ценность мемуарных текстов как материала исследования не раз отмечалась. В частности, Е.В. Сергеева рассматривает мемуарный дискурс как специфическую разновидность коммуникативно-когнитивного события, группу текстов, объединяющую в себе особенности разговорного и книжного стилей литературного языка и отражающую характерные черты своего времени²².

Несмотря на то что наше понимание соотношения коммуникативного события и дискурса несколько иное, важно признание социокультурного значения текстов-воспоминаний. Ср. в этой связи интерпретацию понятия «текст» в работе С.В. Канныкина: «Как родовое понятие, текст представляет собой разнонаправленное, вариативное “сплетение” разнотипных кодов культуры... Будучи тка-

нью, сплетением нитей (дискурсов), неким единством разногласий, текст будет соответственно обладать таким свойством, как множественность, множественным смыслом (события, персонажи, институты, природные и исторические реальности и пр.)»²³.

Сложность интерпретации событий или значения событий связана с определенными культурными стереотипами и собственным опытом. На такую интерпретацию в тексте накладываются как ограничения языкового узуса²⁴, так и знание реалий. С этой точки зрения интересным материалом для нашего анализа служат статьи А.М. Селищева, в частности «О языке современной деревни» и «Язык и революция». Например, *собрание* в деревне описывается следующим образом (ср. с описанием *собрания* в воспоминаниях А.У. Астафьева): «Собрание. Открывает общее собрание председатель колхоза. Выбирают президиум (президиум, президиум). Принимают повестку для общего собрания. Высказываются (высказывают). Подают вопросы (возгласы председателя: Давай!). Бывают пренья... Говорят *по существу*, а иногда кое-кто и не по существу. Голосуют. Поднимают руки»²⁵. Это описание фиксирует речевую составляющую типичного сложного речевого события, прототипическую модель. Собрание как способ коммуникативного взаимодействия является неотъемлемой частью жизни советского человека, что, безусловно, не может не отражаться как на его поведении, так и на системе ценностей.

Другой аспект – представление о событийной структуре и функциях исторически и культурно закрепленного в сознании носителей русского языка события может переноситься на сложное речевое событие, отражающее новые концепты, обозначая пересечение концептуальных полей «старого» и «нового». В работе «Язык революционной эпохи» А.М. Селищев приводит собственные наблюдения и цитаты из газет 20-х гг. XX в., где фиксируются такие имена сложных речевых событий, как *звездины* и *октябрины*. Функция таких событий понятна по аналогии со сложным речевым событием *крестины*. Новое сложное речевое событие наполняется новым смыслом, сохраняя прототипическое значение «приобщение к вере»: 1924 г.

«...крестьяне задолго до начала *октябрин* наполнили клуб, желая посмотреть “крестины с музыкой”; 1926 г. «У председателя сельсовета родился сын. Еще до того, как ребенок появился на свет, его решили “октябрить” в народном доме. Так и сделали. Молодежь старательно готовилась к предстоящему торжеству. Вскладчину сшили новорожденному первоклассный “убор”. Наконец, были назначены “*октябрины*”. В народном доме явилась молодежь, пришла сконфуженная мать. Ораторы долго говорили, обращаясь к орущему ребенку, пионерки преподнесли ему “убор”, – все было так, как бывает везде и всюду»; «Много *звездин* и *похорон* проводится организациями комнезама. В селе Халайдове провели коллективные *звездины* – озвездили 15 детей сразу» (Правда. 1924. № 282)²⁶. Помимо словотворчества по аналогии (крестины – звездины, окрестили – озвездили), данные примеры интересны именно стремлением изменить способ репрезентации прежнего концепта, причем компоненты событийного фрейма, отражая новые реалии, повторяют структуру традиционного обряда крещения – ср., например, предметно-символьный план (убор), обязательную речевую составляющую, но вместо священника говорили «ораторы». Само «торжество» проводилось не дома у матери с ребенком, а в «народном доме».

Итак, тексты воспоминаний, рассказы о жизни, так же как и тексты СМИ, содержат в себе не только референтные события, но и события-идеи, определенную оценку и субъективную интерпретацию автора-рассказчика, что, в свою очередь, подвергается оценке интерпретатора – исследователя. Таким образом, при изучении сложных речевых событий на текстовом материале необходимо учитывать когнитивный аспект соотношения события и текста.

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации (грант МК-3675.2005.6).

Примечания

¹ См. об этом подробнее: Дубровская О.Н. Об интерпретации понятий «событие» и «речевое событие» в лингвистике // Вестн. Астрахан. техн. ун-та. 2005. №5(28). Сентябрь–октябрь. С.129–137.

² См.: Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988; Шабес В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1990.

³ См.: Самойленко Н.А. Семантика событийности и способы ее выражения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991; Ирисханова О.К. Семантика событийных имен существительных в языке и речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.

⁴ См.: Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. С.23–34.

⁵ Там же. С.29.

⁶ Там же. С.27.

⁷ См.: Гольдин В.Е. Указ. соч. С.23–34; Дубровская О.Н. Национально-культурная специфика системы имен сложных речевых событий в английском и русском языках // Романо-германская филология. Саратов, 2003. Вып.3; Bennett J. Events and Their Names. Oxford, 1988.

⁸ Hymes D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking // Social Anthropology and Language. 1971. P.47–93; Idem. Models of the interaction of language and social life // Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication / Ed. J.J. Gumperz, D. Hymes. N.Y., 1972. P.35–71; McCarthy M. Issues in Applied Linguistics. Cambridge, 2001; Saville-Troike M. The Ethnography of Communication. Blackwell, Oxford UK & Cambridge USA, 1994.

⁹ См.: Дубровская О.Н. Сложные речевые события и речевые жанры // Жанры речи-2. Саратов, 1999; Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. Саратов, 2002. Вып.3. С.5–17.

¹⁰ Проблемы использования текста как объекта анализа событий и ситуаций обсуждались в целом ряде работ, см., например: Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и яз. 1983. Т.42, №4/6. С.320–329; Перверзев К.А. Высказывание и ситуация: об онтологическом аспекте философии языка // Вопр. языкознания. 1998. №5. С.24–52.

¹¹ Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурная концептология: принципы, функции, единицы // Язык и общество в синхронии и диахронии: Труды и материалы Междунар. конф. (Саратов, ноябрь 2005). Саратов, 2005. С.34.

¹² Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь»: Публикация и исследование текста / Подготовка текста, предисл. и ком. Б.И. Осипова. Омск, 1997. (Народные мемуары); Воспоминания А.Н. Белозёрова «Записки районного служащего»: Публикация и исследование текста / Предисл. и комм. Б.И. Осипова; Подготовка текста Б.И. Осипова и Е.С. Ситниковой. Омск, 2002; Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У. Астафьева «Записки изгоя»: публикация и исследование текста / Предисл. и ком. Б.И. Осипова; Подготовка текста Л.А. Астафьевой, Н.А. Астафьевой и Б.И. Осипова. Омск, 1998. (Народные мемуары).

¹³ Шабес В.Я. Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности... С.25.

¹⁴ Там же. С.24.

¹⁵ Там же. С.25–26.

¹⁶ Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. труды. М., 2005. С.418.

¹⁷ См.: Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике... С.320–329; Он же. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. Ч.2 / Отв. ред. М.Н. Володина. М., 2004. С.68–83.

¹⁸ См.: Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ... С.68–83.

¹⁹ Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У. Астафьева «Записки изгоя»... С.107–108.

²⁰ Там же. С.111.

²¹ Там же.

²² См.: Сергеева Е.В. Мемуарный дискурс как особая разновидность литературного языка // Язык и общество в синхронии и диахронии: Труды и материалы Междунар. конф. (Саратов, ноябрь 2005). Саратов, 2005. С.122.

²³ Канькин С.В. Текст как явление культуры (пролегомены к философии текста). Воронеж, 2003. С.106.

²⁴ См.: Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиоэтнические стратегии) // Язык и культура: факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001. С.309–323.

²⁵ Селищев А.М. Труды по русскому языку. Т.1. Язык и общество. Социолингвистика. М., 2003. С.378.

²⁶ Там же. С.211.

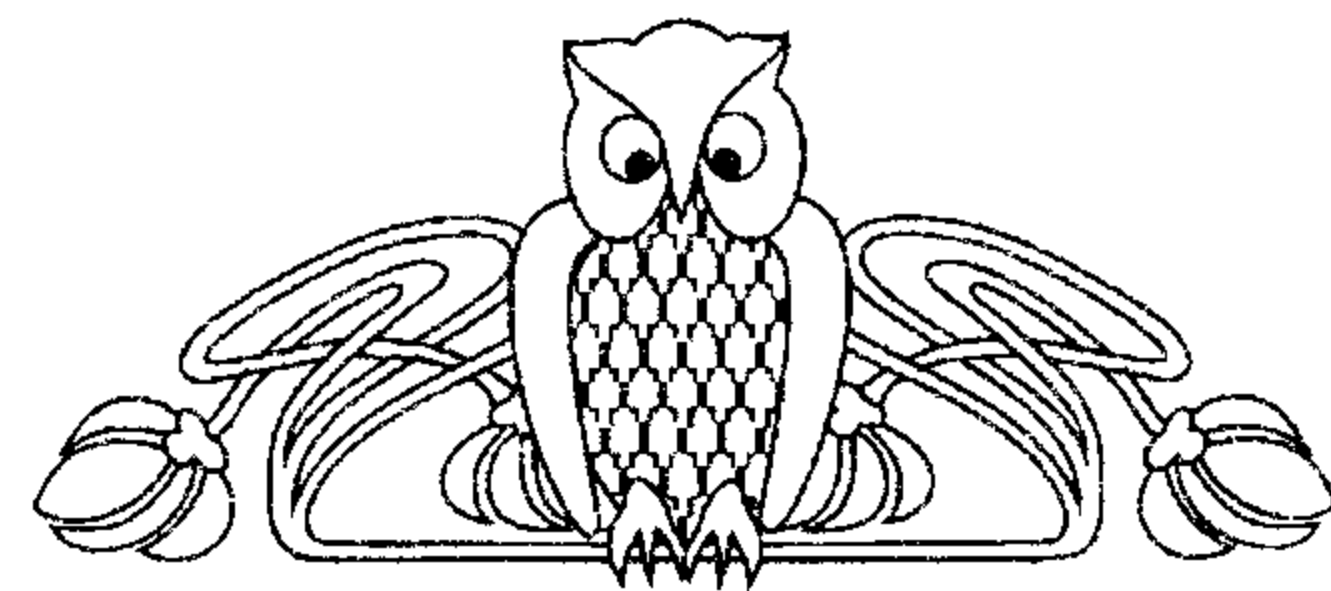
УДК 811.111.(94)

КАК ПОНЯТЬ АВСТРАЛИЙЦА? К ПРОБЛЕМЕ АВСТРАЛИЙСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Г.В. Лашкова, М.А. Сисина

Саратовский государственный университет,
кафедра английской филологии
E-mail: Phylology@sgu.ru

В статье рассматриваются некоторые экстра- и интралингвистические условия формирования австралийского варианта английского языка, который является независимым и занимает свое место в системе других вариантов английского языка, отлича-

ясь как от британского английского, так и американского варианта.

Отмечается также тот факт, что в трудах отечественных лингвистов этому варианту уделяется недостаточно внимания.